

в то время как из обихода исчезало уцелевшее от турецкого разграбления бытовое серебро, оказывались в могилах вместе с владелицами ювелирные украшения; исчезали также художественно оформленные предметы вооружения. Именно поэтому единственным в своем роде оказывается украшенный насечкой серебром и золотом железный шлем в Оружейной палате в Москве, с поясным Деисусом со стилистическими признаками конца XIII в. Известны золотые перстни с изображением двуглавого орла и монограммами Палеологов в греческих музеях и коллекциях³⁹. Но для того чтобы получить хотя бы самое общее представление о светском художественном металле поздневизантийского времени, необходимо учесть данные археологических исследований и материалы из случайных находок на территориях, сопредельных Македонии и Сербии⁴⁰. Было бы неверно все эти предметы безоговорочно включать в перечень византийских изделий. Однако среди них опознаются вещи вполне «палеологовского» облика. Встречаются перстни с греческими надписями на {525} щитке и с геммами, хотя последние отнюдь не принадлежат к числу описанных византийским поэтом XIV в. Мануилом Филом в его экфрасисах.

Искусство и быт демократических слоев Византийской империи второй половины XIII — середины XV в. могут характеризовать главным образом изделия из бронзы и керамика. Между тем первые все еще не сделались предметом изучения, а накопленный по керамике материал лишь в самой незначительной мере относится к указанному периоду. Известные поливные сосуды XIII—XIV вв. изготовлены обычно из белой глины и украшены изображениями птиц и животных, выполненных с преобладанием синих, зеленых или красно-коричневых тонов. Встречаются также сосуды с монограммами владельцев. Для изучения палеологовской керамики большое значение имеют находки в Велико-Тырнове. На византийскую керамику сильное влияние оказывал Восток⁴¹. Наряду со схематичными линейными изображениями иногда встречаются выполненные в технике подглазурной росписи, подобные херсонесской чаше с фигурой фантастического зверя⁴².

Нет ничего удивительного в том, что многие выдающиеся произведения поздневизантийских мастеров прикладного искусства сохранились за пределами собственно византийской территории. Некоторые были и созданы вне ее политических границ. Таковы не только части литургического облачения московского митрополита Фотия, но и изготовленный по его инициативе греческими мастерами в Москве великолепный золотой оклад Владимирской Богоматери — один из самых выдающихся памятников палеологовской торевтики — и золотой оклад Евангелия Успенского собора Московского Кремля⁴³. Для схемы первого произведения показательно расположение на полях чеканных композиций праздничного цикла с Распятием и Воскрешением Лазаря на пластинах с пятилопастным завершением. Сложный сканный орнамент выполнен из тонких ленточек, припаянных на ребро; среди растительных завитков в ромбах и кругах находятся кресты и розетки, а в нижней части оклада — греческая монограмма Фотия, именуемого архиепископом Руси. Трактовка фигур сближает композиции оклада в первую очередь с продукцией константинопольских ювелиров начала XV в. именно того круга, из которого вышли мастера — изготовители крестов царицы Елены и патриарха Григория. Оклад Евангелия при его весьма оригинальной иконографической схеме все же не стоит особняком среди византийских памятников⁴⁴.

Весьма вероятно, что некоторые из образцов палеологовской торевтики, обнаруженные в Сербии и Болгарии, выполнены греческими ювелирами. Сложнее решается вопрос о происхождении памятников поздневизантийского искусства, хранящихся в Италии, несмотря на то,

³⁹ Byzantine Art and European Art. Athens, 1964. № 454, 455.

⁴⁰ См.: Культурно богатство Прилепа од V—XIX века. Београд; Прилеп, 1976; *Радојковић Б.* Накит код срба. Београд, 1969; *Вујовић-Марјановић Г., Томић Г.* Накит на тлу Србије из средњовековних некропола од IX до XV века. Београд, 1982.

⁴¹ См.: *Talbot Rice D.* The Pottery of Byzantium and the Islamic World // *Studies in Islamic Art and Architecture in Honour of K. A. C. Cresweil.* Cairo, 1965.

⁴² Искусство Византии в собраниях СССР: Каталог выставки. М., 1977. Вып. 3. № 926.

⁴³ *Постникова-Лосева М. М., Протасьева Т. Н.* Лицевое Евангелие Успенского собора как памятник древнерусского искусства первой трети XV в. // *Древнерусское искусство XV — начала XVI века.* М., 1963. С. 132—172; *Alpatoff M.* Die frühmoskauer Reliefplastik // *Belvedere.* 1926. № 51/52. S. 237—256.

⁴⁴ *Velmans T.* La couverture de l'Évangile dit de Morozov et l'évolution de la relecture byzantine // *Cahiers archéologiques.* 1979. T. 28. P. 115—136.